

Анджей Вайда на работе, как дома

К 70-летию знаменитого режиссера

Вот уж кого точно старость не застанет дома! Уследить за перемещениями Анджея Вайды трудно, но потерять его из виду невозможно. Из хроники последнего времени: в Брюсселе получает очередной титул почетного доктора – на этот раз Свободного университета, в США участвует в Неделе польского кино, на фестиваль в Берлин везет свою новую картину и получает Серебряного медведя. За неделю до своего юбилея появляется в Варшаве на премьере своей «Страстной недели», дает интервью корреспонденту «МН» и на следующий день в пять утра едет во Вроцлав, где приступает к репетициям спектакля, которым в мае открывается восстановленный после пожара Театр Польский.

Вайда поставил десятки спектаклей, но мировую славу ему принесло кино, за которое у себя дома он бывал тоже обласкан, но чаще – бит. Его называли самым польским кинорежиссером, тут же обвиняя в национализме и хуже того – в национальном нигилизме. Сын офицера, расстрелянного в Катини, он до сего дня несет бремя военной темы.

Он не был политиком, но в 1989-м, после падения коммунистического режима в Польше, был избран сенатором от «Солидарности», потому что боролся за свободу и никогда не уклонялся от ответственности.

Партийная печать народной Польши усматривала в его творчестве подрыв социалистических устоев (что немедленно отзывалось в Советском Союзе, где Вайда надолго оказался в «черном списке»). Но политические фильмы Вайды один за другим пробивались сквозь рогатки цензуры. После туч, сгустившихся над его фильмом «Человек из мрамора», пожалуй, самой знаменитой его картиной, Вайда удивлялся, что власти ставят знак равенства между искусством и политикой. Один из высоких партийных функционеров записал мнение тогдашнего премьера Ярошевича: «Фильм Вайды политически вреден, но интересен художественно, и люди будут смотреть его». Как в воду глядел – миллионы посмотрели картину только в Польше.

Временами Вайда давал передохнуть своим оппонентам, когда появлялись его экранизации классики или поэтические и лирические фильмы. Иногда он давал «отдохнуть» и себе: очарованный японской культурой, Вайда на берегах Вислы в Кракове построил уникальный Центр японского искусства. И вот когда зрители почти перестали ожидать от него новых фильмов, вдруг появляется «Страстная неделя» – экранизация рассказа Ежи Анджеевского на болезненную тему польско-еврейских отношений и поведения поляков по ту сторону стены охваченного восстанием гетто.

– Как понимать ваше возвращение в кино?

– Решиться на это было нелегко. Особенно после моего фильма о молодом поручике Армии Крайовой «Кольцо с орлом в короне», который был принят, так скажем, неохотно, и мне даже пришлось его перемонтировать. В этом, конечно, моя вина, потому что в последние годы я не сразу уловил перемену в зрителях, которые сегодня совершенно иначе трактуют кино, чем те, кто смотрел «Пепел и алмаз», «Человека из мрамора», «Землю обетованную», «Свадьбу».

– Вы хотите сказать, что зритель перешел в иное качество?

– Вот именно. Из кинозала совсем или почти ушли зрители, которые хотели увидеть то, о чем не писали газеты и не говорило телевидение. Сегодня приходят в кино для развлечения, ищут на экране удовольствия; репертуар, на 98 проц. состоящий из американских филь-

мов, им такую возможность предоставляет. Но у меня ощущение, что, когда зрители этим насытятся, они захотят увидеть фильмы, которые дают пищу для размышлений. Мне хотелось, чтобы они смотрели польские фильмы, с этой надеждой я и взялся за новую работу.

– Представляя «Страстную неделю», вы подчеркнули, что такого фильма нам как раз не доставало...

– ...чтобы в моей фильмографии завершить панораму польской истории, тем более что я давно хотел обратиться к теме, на которую долгие годы было наложено табу. А проблема отношений между поляками и евреями дает о себе знать и по сей день. Фильм не откроет, конечно, эту болезненную рану, он лишь попытка не столько ответа, сколько вопроса: а как бы я сам повел себя в такой ситуации?

– В свое время «польская киношкола», связанная с вашим именем, произвела переворот в сознании и в мировой кинематографии. Какую след оставила она в вашей жизни?

– Это правда, что несколько фильмов Анджея Мунка, Ежи Кавалеровича, Тадеуша Конвицкого, какие-то мои картины, сценарии Ежи Ставиньского, актер Збышек Цибульский стали частью мирового репертуара, что очень

много значило для становящейся на ноги польской кинематографии. Нам тогда казалось, что во всем мире об этом только и говорят. Тем более что у наших коллег в Советском Союзе и в других тогдашних соцстранах была значительно меньшая возможность высказаться. Сегодня, скорее уже для молодых режиссеров, фильмы нашей киношколы обозначают уровень польского кино. След нашей работы остался и в наших великолепных актерах.

– Настоящий актер, по-вашему, камикадзе. Но такие мастера, как Збигнев Цибульский, Даниэль Ольбрыхский, Кристина Янда, Войцех Пшоняк, расцветали от одного вашего фильма к другому. Нет ли здесь противоречия?

– Ни в коем случае, ведь я имею в виду отвагу актера, его страшное напряжение на съемочной площадке, когда в считанные мгновения он должен раскрыть все свои секреты. Актер должен нести в себе чувство риска, которое он, иногда в полном отчаянии, обнаруживает перед камерой. Но именно тогда можно надеяться, что зритель им заинтересуется.

– Обращаясь недавно к молодым коллегам, вы просили их «не делать тех ошибок, что совершали мы». Что вы имели в виду?

– Не нужно снимать фильмы, которые уже сделаны. Должна быть волнующая и других собственная тема. К тому же техника съемки, которая не несет отпечаток «сделанного в Голливуде» или где-то еще.

– К великому сожалению, в России мало известен Вайда как театральный режиссер.

– Скорее всего оттого, что театр тяжел на подъем – вывезти труппу обходится в копеечку. Я искренне жалею, что российская публика не видела моих театральных работ, которые я считаю такими же важными, как «Пепел и алмаз» в кино, – «Бесь», «Преступление и наказание», «Анастасия»... Рассчитывал, что мне удастся приехать в Петербург с японским спектаклем по мотивам «Идиота»... Я глубоко убежден, что наша европейская театральная традиция берет начало в хорошей литературе.

Если театр, разо-

чаровавшийся в своих зрителях еще больше, чем кино, хочет существовать, он должен одолеть большой классический репертуар, вернувшись к Софоклу, Шекспиру, Чехову, Стриндбергу... В театре нельзя, как в кино, имитировать жизнь – там все подлинное.

– Вы были первым из деятелей культуры, кто во времена ПНР открыто стал на сторону демократической оппозиции. Сегодня в Польше у власти снова левые. На чьей вы стороне?

– На той самой, что и был. За что мы боролись? Чего хотели? Мы хотели свободы и демократии, чтобы общество само делало выбор. За 45 лет народной Польши я не интересовался теми, кто сидел в парламенте, потому что знал: эти люди представляют не мон, а свои собственные партийные интересы. Теперь же парламент, как и президент, избраны свободно. И если проиграла оппозиция, значит, у левых сегодня больше сторонников. Главное, чтобы не проиграла демократия.

– Каковы сегодня отношения между художником и властью?

– В момент создания «Солидарности» я был на стороне этого движения. Хотел бы и дальше его поддерживать, но, к сожалению, оно удалилось от идеалов, которыми привлекало. Действительность изменилась, а я, как говорится, остался при своем. Но вот что существенно: сегодняшнее польское общество не ожидает участия кино в политике – ее по горло хватает в газетах и на телевидении. Да и сами политики – крикливые, назойливые, всюду присутствующие, неуравновешенные – надоели и наскучили. Если герой Достоевского утверждал, что власть основана на трех силах: чудо, тайна, авторитет, в нашем случае в первую очередь это была тайна: не допускалось никаких утечек. Это сейчас чуть кто-то где-то что-то сказал, газеты тут же трещат по швам от домыслов, предположений, догадок. Если раньше в ЦК утверждались сценарии и решалось, какие фильмы можно пускать на экран, сегодня в Польше уже никто не может запретить снять фильм и не пустить его в прокат.

– Вам не хотелось бы что-то поправить в своих фильмах?

– Да вот только что дополнил «Землю обетованную» для показа моих фильмов в Кракове. Давно хотел ввести вырезанную когда-то сцену: герои картины, которые только и говорят о деньгах, вдруг встречаются, чтобы вместе... играть Шумана. Оказывается, кроме погони за деньгами, им еще что-то надо в этой промышленной Лодзи. Этого, по-моему, не хватало в последнее время всем.

– Похоже, что главное в вашей жизни – работа?

– Это действительно так. В 15 лет, в оккупации, я уже работал, чтобы было на что жить. Учился всему, чему было возможно. Потом начал снимать фильмы, ставить спектакли, и работа стала главным двигателем моей жизни, потянувшим один проект за другим. Помогает счастливый дом, где меня понимают. Моя жена, Кристина Захватович, – фантастическая личность, артистка, сценограф. Мы часто работаем вместе, как сейчас над спектаклем во вроцлавском театре. Так что и вся моя домашняя жизнь настроена на реализацию задуманного. Но только это и приносит настоящее удовольствие.

– Примите от «Московских новостей» самые сердечные пожелания с юбилеем. С нетерпением ждем ваших новых работ в кино и театре.

Анджей Вайда